

Следует сказать также, что книга заслуживает лучшего полиграфического оформления. Ряд репродукций ретуширован чрезвычайно небрежно (хуже всех рис. 4, стр. 23; рис. 34, стр. 57). Графическая скульптура была полихромирована, поэтому все будут приветствовать рис. 19, воспроизводящий естественные краски. Следует категорически отвергнуть плохо раскрашенные черные фотографии (стр. 2, 8, 20, 28, 40, 58, 78, 98), так как их краски не имеют ничего общего с античными и только вводят читателя в заблуждение. Наконец, неплохо было бы украсить книгу греческими декоративными рисунками; для этого стоило использовать орнаменты греческих ваз, а не давать в виде заставок и вишенок к главам не слишком удачные современные композиции.

Проф. Иржи Фрэлъ

В. А. ГОЛЬДЕНБЕРГ, История древнего Востока. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников исторического факультета, Харьков, Изд-во Харьк. госуниверситета им. А. М. Горького, 1954, 81 стр., тираж 1000 экз., бесплатно;

ОН ЖЕ, История древней Греции и Рима. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников исторического факультета, изд. 2-е, исправленное и дополненное, Харьков, Изд-во Харьк. госуниверситета им. А. М. Горького, 1955, 90 стр., тираж 500 экз., бесплатно.

Учебно-методические пособия призваны помочь работе студентов заочного отделения, вынужденных значительную часть курса изучать самостоятельно. Методическое пособие должно сосредоточить внимание студентов на узловых проблемах курса, помочь им разобраться в трудных вопросах, прививать понимание роли источников в исторической науке, ориентировать в исторической карте. Отличаясь от учебника и по своим задачам и по объему, методическое пособие, конечно, не может претендовать на сколько-нибудь исчерпывающее изложение материала. Его роль прежде всего вспомогательная. Именно в силу этого к методическому пособию предъявляются требования продуманного отбора фактов, максимальной четкости в формулировках, постоянного выделения и подчеркивания главного. Наряду с этим представляется необходимым знакомить студентов-заочников с новейшими достижениями советской и зарубежной исторической науки, вводя по мере необходимости в методическое пособие разделы или отдельные вопросы, отсутствующие в учебниках. Если издание и переиздание больших учебников для вузов требуют времени, то краткое методическое пособие для заочников может часто переиздаваться и быстро доводить до сведения учащихся научные новинки. Эти особенности методических пособий среди учебной литературы вообще должны постоянно иметься в виду при их оценке.

Рецензируемые пособия написаны в соответствии с учебной программой по древней истории для исторических факультетов.

По сравнению с учебно-методическими пособиями Н. А. Машкина, Д. Г. Редера и В. К. Никольского рецензируемое методическое пособие по истории древнего Востока отличается большей полнотой и обстоятельностью излагаемого материала, более четкой методической разработкой. К достоинствам пособия относятся ясность изложения, доходчивое объяснение материала, например объяснение «реформ Эхнатона» (стр. 39—40), сообщение отсутствующих подчас в учебниках важных сведений, например, о категории вавилонских мушкену. Так, автор не только вводит в ткань изложения отсутствующий в учебнике В. И. Авдиева термин «мушкену», но приводит также существующие в нашей науке различные мнения об их социальной природе (стр. 26). В. А. Гольденберг уточняет приведенную в учебниках дату правления Ашшурбанипала, подчеркивает своеобразие развития обществ Сирии и Финикии (стр. 47). Однако, возражая против ошибочных теорий исключительности пути

исторического развития Индии, автор, к сожалению, не ориентирует студента на выяснение ряда бесспорных особенностей этого пути (стр. 73).

Методическое пособие по истории древней Греции и Рима, представляя собой второе, исправленное и дополненное издание¹, отличается от первого большим использованием источников, привлечением отрывков древних авторов из хрестоматий по истории древнего мира, рядом исправлений, изменений и дополнений в самом тексте пособия. В. А. Гольденберг широко привлекает историческую карту. Пособие написано ясно и четко, в каждой теме автор стремится подчеркнуть главное и определяющее.

Однако наряду с положительными сторонами следует отметить в рецензируемых пособиях ряд недочетов методического характера. В методическом пособии, естественно, вопросы методики имеют большое значение. Известно, например, как важны для самостоятельной работы студентов списки рекомендуемой литературы. В рецензируемом же пособии по истории древнего Востока отсутствует общий список работ, рекомендуемых для самостоятельных занятий. Как сообщает автор, дополнительная литература, учитывая занятость студента-заочника, рекомендуется большей частью только в минимальном объеме (стр. 18). Между тем начинающему студенту-заочнику для изучения только истории древнего Востока предлагается проработать более 6000 страниц — из них 3700 страниц специальной научной литературы — в весьма короткий срок, отведенный учебным планом. Притом эти списки включают и узкие специальные исследования, доступные подчас только специалистам, а также издания, ставшие библиографической редкостью и не всегда могущие быть использованными студентом-заочником периферийного вуза².

Указания на специальные монографии и статьи, рекомендуемые к одной теме, содействуют с указаниями глав «Книги для чтения» для 5-го класса и других популярных изданий в качестве равноценной дополнительной литературы. Не представляется также правильной отсылка начинающего заочника к обширной библиографии на русском и иностранных языках, занимающей 50 страниц в учебнике проф. В. И. Авдиева.

Слабо разработаны важные для начинающего историка вопросы об источниках, их характере и классификации, а также вопросы историографии. Станным является деление автором рекомендуемых им работ на монографии и исследования. Согласно его классификации, монографиями являются книга проф. Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту» и книга проф. В. И. Авдиева «Военная история древнего Египта», в то время как работа акад. Н. М. Никольского «Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье» и работа И. М. Дьяконова «Развитие земельных отношений в Ассирии» относятся к числу «исследований по отдельным частным (?) вопросам» (стр. 16).

Такое же впечатление создается при ознакомлении со списками рекомендуемой литературы и источников по истории древней Греции и Рима. К отдельным темам рекомендуются старые монографии, а вышедшие за последние годы работы наших историков, например, относящиеся к соответствующим разделам истории статьи ВДИ не указаны в списках.

Нельзя согласиться и с тем, что автор пособия (стр. 10) рекомендует студентам-заочникам для повторения читать «Историю древней Греции и Рима» А. Г. Бокщанина (курс лекций для ВПШ). Чтение столь сокращенного курса только введет студента-заочника в искушение ограничиться этим пособием. Весьма нежелательно и обращение

¹ Первое издание вышло в 1952 г.; см. рецензию И. Р. К и л а ч и ц к о й, ВДИ, 1953, № 3, стр. 114—116.

² Например, И. Н. В и н н и к о в, Новые финикийские надписи из Киликии, ВДИ, 1950, № 3; акад. Н. М. Н и к о л ь с к и й, Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье, Минск, 1948; А. Б. Р а н о в и ч, Очерк истории древнееврейской религии, М., 1937; акад. В. В. С т р у в е, Датировка первой вавилонской династии, ВДИ, 1947, № 1; В. И. А в д и е в, Раскопки древнеаккадского города в Телль-Асмаре, «Историк-марксист», 1937, № 5—6 и др.

студентов к первому изданию истории Греции В. С. Сергеева, подвергнутому в свое время серьезной критике, частично учтенной при переиздании. Этот же упрек можно сделать автору и в отношении рекомендательного списка источников к каждой главе в обоих пособиях. Некоторые источники рекомендуются в старых, мало доступных переводах. Так, например, для биографий Плутарха указан старый перевод В. Алексеева даже тогда, когда они включены в сборник «Избранные биографии» Плутарха под редакцией С. Я. Лурье (Фемистокл, Аристид, Кимон, Тиберий, Гай, Цицерон и др.). «Илиада» и «Одиссея» рекомендуются в переводе Н. Минского и В. Жуковского и не указаны переводы Н. Гнедича и В. Вересаева.

В разделе «Источники изучения древней Греции» (стр. 11—12) недостаточно подчеркнута значение археологических памятников. В разделе римской истории (стр. 45) это сделано, но только применительно к Риму.

Это создает впечатление, что списки литературы, так же как и источников, составлены без достаточного учета степени подготовленности студентов-заочников и тех реальных возможностей, которые они имеют в процессе учебы для ознакомления даже с более доступными им работами.

В пособиях имеется также ряд недостаточно четко и ясно изложенных положений. Некоторые разделы истории нуждаются в более полном освещении, соответствующем современному уровню исторических знаний.

В пособии по истории древнего Востока вызывает возражения характеристика общественного строя и уровня развития древневосточных обществ вообще. Наиболее часто автор оперирует термином «раннерабовладельческое общество» (см. стр. 11, 29, 38, 46, 80 и др.), указывая, что его основными признаками были существование общины и домашний характер рабства, причем сами понятия «домашний характер рабства» и «раннерабовладельческое общество» остаются не раскрытыми: по отношению к какому другому обществу или периоду автор употребляет термин «раннее», остается в пособии далеко не ясным. Автор высказывает также два основных положения: 1) «древневосточное общество в течение тысячелетий оставалось раннерабовладельческим, неразвитым рабовладельческим обществом, так как в нем на протяжении всей его истории продолжала существовать община, а рабство сохраняло домашний характер» (стр. 11); 2) древневосточное общество «было только первым этапом в развитии древнего рабовладельческого мира» (стр. 12). Между тем в методическом пособии было вовсе не лишним указать на наличие в советской исторической науке различных точек зрения на характер древневосточного общества, на его особенности в различных странах древнего Востока, этапы его развития и ту роль, которую в нем играла община. Автор же, определяя целые тысячелетия исторического развития ряда самых разнообразных древневосточных обществ как примитивный, неразвитый этап в развитии древнего мира вообще, тем самым как бы становится на позиции тех, кто постулирует «застойность древневосточного общества», «неизменность его социально-экономического строя на протяжении тысячелетий», хотя на самом деле В. А. Гольденберг выступает против таких утверждений западной историографии (стр. 13). Приводимый автором конкретный исторический материал также не укладывается в эту схему, что красноречиво свидетельствует об ее условности и непригодности для объяснения целого ряда важнейших вопросов истории древневосточных стран.

Характеризуя, например, нововавилонское царство, В. А. Гольденберг правильно отмечает, что «особый интерес представляет значительный рост количества рабов, особенно рабов должников, а также появление смягченных форм эксплуатации, что свидетельствует о сравнительно высоком уровне развития рабовладельческих отношений» (стр. 62). Но в Ассирии те же смягченные формы эксплуатации рассматриваются автором как показатель примитивности и неразвитости экономики. Отмечая, что для Ассирии VIII—VII вв. «характерно более широкое применение рабского труда», автор оговаривается: «хотя в силу неразвитости ассирийской экономики значительная часть рабов использовалась в качестве земледельцев, обрабатывавших отдельные участки земли и отдававших львиную долю урожая своим господам рабовладельцам» (стр. 56).

Совершенно очевидно, что эксплуатация рабов путем предоставления им земельных участков сама по себе еще не является свидетельством отсталой и неразвитой экономики рабовладельческого общества вообще (ср., например, римских *servi casati*). Вследствие нечеткости объяснения характера древневосточного общества этот сложный и в значительной степени трудный для понимания студентов вопрос излагается в пособии противоречиво.

Отсутствие конкретных исторических критериев в оценке того или иного древневосточного общества приводит к появлению в учебном пособии противоречивых понятий, как «примитивное рабовладельческое общество с развитой экономикой». Так, характеризуя доарийскую Индию, автор отмечает большой интерес раскопок в Мохенджо-Даро и Хараппе, доказавших наличие в северо-западной части полуострова Индостан уже в III тысячелетии до н. э. примитивного рабовладельческого общества и государства с развитой экономикой: ирригационное земледелие, высокий технический и художественный уровень ремесла, широко разветвленная торговля и достаточно высокий уровень материальной и духовной культуры, рисуночное, иероглифическое письмо, еще не расшифрованное (стр. 72). Начинаящему студенту-заочнику, конечно, трудно разобраться, в чем суть этого «высокоразвитого примитивизма». Нельзя согласиться также и с тем, что всю историю древневосточных обществ автор рассматривает как один примитивный этап, противопоставленный всему развитию греко-римского мира в целом.

Автор подчас злоупотребляет термином «развитие рабовладельческих отношений», которыми он объясняет самые противоположные и взаимно исключающие явления. Так, например, причины поражения Саисского Египта в борьбе с нововавилонским царством за обладание Палестиной, Финикией и Сирией, несомненно, коренятся и во внутренней, социальной борьбе, которая имела место в Египте этого периода, и В. А. Гольденберг признает это, когда пишет, что эти «внутренние противоречия в египетском обществе, в связи с развитием рабовладельческих отношений и ослаблением сельских общин, продолжали углубляться» (стр. 64—65). Однако причины поражения Саисского Египта, состоявшие, по мнению автора, в развитии рабовладельческих отношений, в нововавилонском царстве выступают уже в качестве причин победы Нового Вавилона над Египтом, поскольку в нововавилонском царстве, как пишет В. А. Гольденберг, «рабовладельческие отношения достигли большего развития, чем в каком-либо другом древневосточном государстве» (стр. 61). В связи с этим возникает серьезный вопрос: можно ли преподносить студентам сухие схемы и формулы, подчиняя им изложение живой исторической действительности во всей ее сложности, противоречивости и многогранности.

Это пособие, так же как и другие, вышедшие ранее, указывает на необходимость установить методику изложения дискуссионных вопросов в науке. К числу таких вопросов относится, например, периодизация истории древнего Китая. В данном случае В. А. Гольденберг ограничился изложением принятой у нас, по спорной схеме и не отметил дискуссионность этого вопроса как в нашей, так и в китайской исторической науке. Нам представляется, что в таком пособии надо не только упоминать о тех или иных проблемах (это в конце концов можно найти и в программе), но и давать краткую оценку наиболее сложных из них. В частности, надо дать оценку буддизма и конфуцианства с учетом новых точек зрения, не поручая эту трудную задачу самим заочникам. В этом отношении рецензируемое пособие в известной мере отражает слабости, присущие отдельным разделам нашей науки об истории древнего мира.

Иногда автор оставляет без объяснения трудные для понимания цитаты и термины, не раскрывает отдельные сложные положения. Например, В. А. Гольденберг не поясняет мысль Маркса об абсолютном плодородии почвы и ее дифференцированности (стр. 10). Или он не поясняет следующей фразы об экономике Двуречья: «...Экономика Двуречья в своей основе оставалась натуральной, так как она базировалась на рабовладельческих отношениях...» (стр. 21). Нельзя, кажется нам, считать методически оправданными такие указания автора: «Надо твердо запомнить, что история древнего Египта делится на три больших периода: Древнее царство—III—VI династии египетских ца-

рей, Среднее царство—XI—XII династии, Новое царство—XVIII—XX династии. Эта периодизация, данная еще Манефоном, условна и ограничена, так как Манефон разделил историю своей древней страны на три этапа чисто механически, по царским династиям» (стр. 29). Не лучше ли сказать, что «надо запомнить условно принятую в науке периодизацию, данную еще Манефоном и т. п.», и затем разъяснить положительные и отрицательные стороны этой периодизации, необходимость следования ей. На стр. 21 сказано: «Основная задача темы — показать образование древнейших рабовладельческих государств в Месопотамии», но далее пособие ничем не помогает студенту в разработке этого наиболее сложного вопроса. Никак нельзя оправдать умолчание о хозяйственных архивах III династии Ура, как важнейшем источнике для выяснения социально-экономической истории южного Двуречья.

Обращая внимание студентов на те или иные неправильные утверждения буржуазной науки, автор вместе с тем не всегда достаточно ясно и четко объясняет их неправильность. Автор считает научно не обоснованными «утверждения буржуазных ученых о переселении в Малую Азию во II тысячелетии до н. э. племен индоевропейского происхождения, принесших сюда якобы более развитый язык и культуру» (стр. 45). В следующей фразе автор пишет, что «язык некоторых из них (т. е. хеттских племен.— Л. Г., И. А.) имеет сходство с индоевропейской группой языков (кстати, понятие «индоевропейская группа языков» остается необъясненным.— Л. Г., И. А.), в частности с латинским языком». Но факт такого сходства заочнику никак не объяснен. Вряд ли следует столь категорично (стр. 51) решать вопрос об отсутствии всякого тождества между «хабиру» и «ибрим», вернее между 'Apiru и 'Ibr, хотя в данном вопросе автор следует за такими весьма авторитетными нашими учеными, как И. М. Лурье и И. М. Дьяконов¹.

Что касается методического пособия по истории древней Греции и Рима, то большинство разделов пособия вызывает только частные замечания. Но раздел «Древнейшая Греция» (стр. 13—14), посвященный Криту и Микенам, приходится признать недоработанным. Автор оставляет без ответа вопрос о характере крито-микенского общества, ограничиваясь лишь указанием на сложность и трудность проблемы. Между тем в пособии, изданном в 1955 г., непростительно обойти молчанием дешифровку микенской письменности (так называемое линейное В) и вытекающие отсюда выводы об этносе носителей микенской культуры и о характере микенского и критского общества в XV—XII вв. до н. э. Возможно, что автор во время составления пособия еще не был знаком с литературой вопроса. Но из-за этого пособие сразу же оказывается устаревшим.

Вообще первые разделы истории Греции мало связаны между собой. Так, обязательно следовало поставить вопрос о связи гомеровского общества с микенским. Слишком категорично разрешается сложный вопрос о причинах греческой колонизации (стр. 15); предлагаемая схема двух этапов (VIII—VII вв. — обострение классовой борьбы, VII—VI вв. — поиски торговых путей) заманчива, но, к сожалению, в нее не укладывается очень сложный известный нам материал.

Столь важное для греческой и первого периода римской истории понятие «полис» не разъясняется должным образом. Формула «полис — город-государство» (стр. 16) сама по себе мало понятна учащимся. В дальнейшем термин «полис» применяется к римскому государству, выступая как синоним слова «республика», и противопоставляется понятию централизованного государства (см. стр. 60; 62, прим. 3; 79). Нам представляется, что термин «полис» не применим к римской республике, по крайней мере со II в. до н. э. Полис предполагает целый комплекс социальных, экономических и политических отношений. После превращения Рима в огромную средиземноморскую державу и серьезных изменений, происшедших в социально-экономическом строе римского государства, можно говорить о полисе лишь в очень ограниченном смысле, в области только политических форм, да и то с оговорками.

¹ См. ВДИ, 1950, № 1, стр. 129.

В разделе «Спарта» (стр. 17) имеется ошибочная формулировка: «образование государства в результате завоевания». Здесь следовало обратить внимание студентов и на политический строй Спарты и на ее политику в Греции. Автор слишком категорично оценивает заговор Килона как попытку свергнуть господство аристократической верхушки (стр. 18), отказывается от общепринятого выражения «реформы Солона», заменяя их словами «революционные меры» (стр. 18), односторонне оценивает греческих тиранов как представителей «интересов торговой прослойки» (стр. 19) и напрасно игнорирует роль тирании в Афинах, которая продержалась там около полувека. Нельзя согласиться и с предлагаемой трактовкой двух «партий» в Афинах во время греко-персидских войн (стр. 20). Усиление политической роли фетов было неизбежным результатом развития морского могущества Афин, но когда ставился вопрос о том, на суше или на море решится война с персами, когда флот еще только надо было создавать, вряд ли афинские граждане отдавали себе отчет, к каким политическим результатам приведет то или иное решение вопроса. Флот означал прежде всего обеспечение интересов афинской торговли, афинского ремесла, афинского продовольственного снабжения, и за Фемистоклом шли соответствующие заинтересованные в этом группы и городского и частично сельского населения (в будущем это была опора афинской рабовладельческой демократии). Землевладельческие слои, жившие за счет доходов со своих земель, не были заинтересованы в затратах на флот и в активизации морской политики. И в той и в другой «партии» были представлены рабовладельцы (термины «торгово-рабовладельческая» и «землевладельческая» «партии» могут дезориентировать студентов).

Представляется более целесообразным рассмотреть раньше экономику Греции (тема 11), а затем уже афинскую демократию (тема 10), которая может быть понята только при учете особенностей социально-экономических отношений V—IV вв. до н. э. Правильно вскрывая классовую сущность и ограниченность афинской демократии, бывшей тем не менее самой прогрессивной политической формой рабовладельческого государства (стр. 24), автор объясняет существование демократии попыткой консолидации рабовладельцев перед лицом глубоких внутренних противоречий. Но, как известно, не менее глубокие противоречия были и в других государствах Греции, хотя бы в той же Спарте. Афинскую демократию породила конкретная специфика афинских условий, и надо было сказать прежде всего о них (возможность эксплуатации широкой периферии, торговая монополия Афин в Эгейском море, международные экономические и культурные связи, морское могущество и роль флота, сравнительно высокий уровень товарного производства и др.).

Поскольку история Греции и Рима изучается после истории древнего Востока, В. А. Гольденберг имел возможность опираться на усвоенный уже студентами материал. В начале пособия следовало четко поставить вопрос о закономерности выделения истории античного мира в особый раздел древней истории и, в связи с этим, об особенностях античного рабства. Термин «античное рабовладельческое общество» встречается часто, но он не объяснен, ибо слова «развитое (классическое) рабовладельческое общество» (стр. 7) мало что дают студентам. Правда, в разделе «Экономика Греции V—IV вв.» (стр. 24—27) перечисляются характерные черты античной экономики (рабский труд, натуральное хозяйство, замедленное развитие техники, особая роль торгового капитала), но ведь эти черты в равной мере приложимы ко всем рабовладельческим обществам и вовсе не определяют специфики античного мира.

В пособии явно недооценивается свободный труд в древней Греции, хотя и приводится высказывание Маркса о роли мелкого крестьянского хозяйства и независимого ремесленного производства (стр. 25). Совершенно не упомянута такая важная для греческих полисов социальная группа, как метеки. Необоснованным является утверждение, что афинские граждане никогда не превышали 10—12% населения (стр. 22). Как известно, до нас не дошли статистические данные о населении древних городов Греции, за исключением сообщения о переписи в Афинах в конце IV в. до н. э. Но все же подсчеты, которые производились специалистами на основании различных косвенных данных, такого соотношения между гражданами и негражданами не дают.

В пособии правильно подчеркивается большая роль античной культуры и ее все-стороннее влияние на последующую и современную культуру. Жаль, что особо не выделено творчество Аристофана, 2400-летие со дня рождения которого недавно отмечалось по решению Всемирного Совета Мира. Следовало рекомендовать студентам статьи об Аристофане, помещенные в ВДИ, 1954, № 2, 3, 4 и ВДИ, 1955, № 3, 4.

В разделе «Греция и Македония» (стр. 32) несколько преувеличивается роль Филиппа, деятельность которого изображается едва ли не основной причиной возвышения Македонии. Трудно согласиться с утверждением автора, что Агис и Клеомен стремились лишь к возрождению старых спартанских порядков (стр. 39). Для греческих реформаторов всегда была характерна тенденция облекать свои действия архаическими формами, представляя их восстановлением прежних порядков. Но нас это не должно вводить в заблуждение. В реформах Агиса и Клеомена रहाлся вопрос о перераспределении земельной собственности, т. е. о коренной ломке сложившихся в Спарте в III в. до н. э. отношений. Старой предполагалась лишь форма, а содержание было качественно иным.

В разделе «Эллинистическая культура» (стр. 40) следовало обратить внимание на этические нормы стоической философии, поскольку она оказала большое влияние на формирование раннехристианского учения.

Истории древнего Рима в пособии уделено больше места, чем истории Греции, и здесь вопрос освещен более полно.

Однако и в этом разделе есть ряд неясностей. Указав, что вопрос о происхождении плебеев труден (стр. 47), автор тут же легко разрешает его («окрестное население, покоренное римлянами и приведенное в Рим»). В числе предпосылок гражданских войн (стр. 54) следовало указать и борьбу внутри правящей верхушки (всадничество и нобилитет), коррупцию верхов, борьбу италиков за гражданские права. Непонятно, на чем основано утверждение, что в результате реформ Гракхов увеличилось количество рабов (стр. 57). Это никак не вытекает из того, что нам известно о деятельности Гракхов (например, сообщение Аппиана о негодовании Тиберия против скопления большой массы рабов). Трудно согласиться и с тем, что выступление Ливия Друза в пользу италиков было вызвано только стремлением нобилитета привлечь на свою сторону широкие слои демократии в противовес усилившемуся всадничеству (стр. 59). Вопрос о даровании прав гражданства италийским союзникам давно назрел, это было действительно необходимо для внутреннего укрепления римской республики. Если бы Ливий Друз выражал интересы нобилитета, судьба его законопроекта не была бы столь печальной.

Говоря о причинах разногласий в армии Спартака (стр. 62), автор вначале сообщает мнение проф. А. В. Мишулина, затем Т. Моммзена и снова возвращается к советской исторической литературе. Между тем следовало сказать, что не все советские ученые разделяют мнение А. В. Мишулина по этому вопросу. Хотя о Цезаре сказано достаточно (стр. 65), но не подчеркнута его роль как основателя империи, а между тем легко провести нити от его политики к политике императоров I века н. э. Вряд ли можно согласиться с автором, что «многие современники Августа искренно принимали новый режим за восстановление республики» (стр. 69). Восхваление Августа как восстановителя республики со стороны его современников было сплошным лицемерием. В разделе «Кризис III века» (стр. 77) следовало упомянуть о солдатской политике Северов в связи с утверждением, что это был период открытого господства армии. В разделе о христианстве недостаточно подчеркивается, что вначале оно являлось религией угнетенных низов римской империи. Поэтому несколько неожиданным является переход к вопросу о перерождении раннего христианства.

В рассматриваемом пособии можно указать еще на некоторые мелкие недочеты. На стр. 13 в разделе «Историческая карта» предлагается показать остров (?) Фалерон. Закон о гражданских правах в Афинах ошибочно отнесен к 445 г. (стр. 24 — вслед за учебником В. С. Сергеева). В действительности закон этот был принят в 451 г., но впервые чистка граждан на основании закона была проведена в 445 г., когда прибыл из Египта транспорт с хлебом в дар афинянам и стал вопрос о его распределении среди

граждан. На стр. 7 говорится, что история античного рабовладельческого общества начинается с конца первой половины первого тысячелетия до н. э. А куда же отнести историю более раннего периода и как ее именовать? В IV в., когда выдвинулись Фивы, они все же не играли в Греции роли гегемона. Правильнее говорить «возвышение Фив», а не «гегемония Фив» (стр. 29).

Рассмотрение этих методических пособий показывает, что необходимо широкое обсуждение нашей учебно-методической литературы и программ по древней истории для исторических факультетов. Развитие науки о древнем мире и задачи учебно-педагогической работы настоятельно диктуют необходимость в выработке учебных пособий, отвечающих как современному состоянию науки о древней истории, так и тому объему курса, который отводится для древней истории в наших вузах.

*Л. М. Глушкина,
И. Д. Амусин*

ВЕНГЕРСКОЕ ИЗДАНИЕ КОМЕДИЙ АРИСТОФАНА¹

К числу наиболее интересных изданий античных авторов, осуществленных за последние годы в Венгрии, принадлежат две книги комедий Аристофана в переводе классика венгерской литературы Яноша Араня.

Переводы Аристофана были впервые опубликованы Аранем в трех томах в 1879—1880 гг. В народной Венгрии они были выпущены отдельной книгой в 1946 г., а в 1954 г., в связи с 2400-летием со времени рождения Аристофана, изданы небольшой книжечкой три комедии («Ахарняне», «Мир» и «Лисистрата»). Включенные в это издание комедии дают полное представление о творческом методе Араня-переводчика и достигнутых им художественных результатах. Можно смело утверждать, что если бы аристофановские переводы Араня были так же хорошо известны в Европе, как считающиеся наиболее удачными английский перевод Роджерса и немецкие — Дройзена и Зегерса, они давно бы заняли по праву принадлежавшее им почетное место в мировой истории художественного перевода.

Крупнейшее достоинство переводов Араня — та великолепно найденная мерачности, которая, не делая перевод буквальным, в то же время сохраняет мысль, дух и стиль оригинала.

Это относится прежде всего к метрической структуре комедий. В ее переводе на венгерский язык Арань сумел полностью использовать те свойства венгерской поэтической речи, которые до известной степени сближают ее с древнегреческой. Дело в том, что венгерское стихосложение в основе своей является силлаботоническим, причем ударение в слове не всегда совпадает с долгим слогом — явление, хорошо известное и в просодии древних языков. С другой стороны, определенное тяготение к тоническому построению стиха облегчает и даже узаконивает в венгерском языке сочетание трехсложных стоп с двусложными и пользование спондеями, что также приближает по звучанию венгерские дактили и анапесты к древнегреческим. Поэтому Араню удалось в его переводах построить стих таким образом, что он почти целиком соответствует богатой ритмической палитре древнегреческой комедии, не воспроизводя ее, однако, с буквальной точностью.

Так, ямбический триметр эписодиев Арань передает ямбическим же стихом, но пятистопным или шестистопным с усечением последней стопы, что придает стиху живость и естественность.

¹ Авторы настоящей статьи выражают глубокую благодарность секретарю Бюро Отделения языкознания и литературы Венгерской Академии наук, доктору филологических наук Тибору Кланицаи, поэту А. Гидашу и редактору Гослитиздата Е. И. Малыхиной за помощь, оказанную в работе над рецензией.